

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.2.10

УДК 502.22-055.1

Н.А. Хафизова

ТЕХНИЧЕСКОЕ КАК СПОСОБ МУЖСКОГО БЫТОВАНИЯ

Дано развернутое описание взгляда на техносферу как производную мужского жизненного мира, ставшую его же составляющей частью.

Гендерный срез техносферы производится с использованием двух методологических подходов. Первый подход связан со специфическим пониманием гендера, трактуемого автором как стиль, благодаря чему обращается внимание не на то, какие социальные роли и ожидания существуют в отношении поведения мужчин и женщин, а на то, как осуществляется их деятельностная активность. В отношении гендера признается, что социокультурные факторы наполняют текущее по характеру содержание гендера, однако утверждается, что в качестве идеи и первоформы он укоренен в человеческом самосознании – в вариантах его активности. Поскольку ведется анализ мужского жизненного мира (смысловой повседневности), вторым методологическим подходом является феноменология Э.Гуссерля с использованием философии пространства и вещи М. Хайдеггера.

Автор вскрывает глубинные связи между мужским бытованием и *техническим*, которое осуществляется по трем направлениям. Сначала раскрывается специфика мужской жизненной стратегии с ее ориентацией на приоритет самоутверждения в мире и утверждается, что *техническое* является одним из наиболее эффективных способов самоутверждения. Затем дается обоснование и описание приоритета пространственных характеристик мужского жизненного мира в их влиянии на значимость вещей и их производство. В заключение рассматриваются смысловые оттенки ценностей свободы и истины как производных от мужской жизненной стратегии и специфического устройства хронотопа жизненного мира. Указаны «болевы́е точки» мужского бытования в отношениях с техносферой.

Ключевые слова: гендер, техносфера, жизненная стратегия, хронотоп, вещь, жизненный мир, свобода, истина.

N.A. Khafizova

TECHNICAL AS WAY OF THE MEN'S EXISTING

In article the description of a view of a technosphere as a derivative of the man's world of life and as a component of him.

The gender analysis of a technosphere is made with use of two methodological approaches. The first approach is connected with specific understanding of the gender treated by the author as style thanks to what the attention not is paid to what social roles and expectations exist concerning behavior of men and women, and on how their activity activity is carried out. Concerning a gender admits that sociocultural factors fill the maintenance of a gender, fluid on character, however it is claimed that as the its idea it is implanted in human consciousness – in options of his activity. For the reason that the analysis of the man's world of life (semantic daily occurrence) is kept, the second methodological approach is E.Gusserl's phenomenology with use of philosophy of space and thing of M. Heidegger.

Novelty is opening by the author of deep communications between a men's existing and *technical* which is carried out in three directions. At first specifics of men's strategy of life with her orientation to a self-affirmation priority in the world reveal and it is claimed that technical the way of self-affirmation is one of the most effective. Then justification and the description of a priority of spatial characteristics of the man's world of life in their influence on the importance of things and their production is given. In the conclusion semantic shades of values of freedom and the truth as derivative of the men's strategy of life and the specific device of a chronotope of the world of life are considered. There are specified "painful points" of a men's existing in the relations with a technosphere.

Keywords: gender, technosphere, strategy of life, chronotope, thing, world of life, freedom, truth.

В ходе II Международной конференции «Образ инженера XXI века», прошедшей в ПНИПУ в декабре 2016 года, В.Н. Железняк выдвинул тезис о потенциальной катастрофичности и человека, и техники для мира. Однако, соглашаясь в целом с этим посылом, хочется сказать, что сама катастрофичность не всегда имеет отрицательную коннотацию, ведь суть любой катастрофы – это прохождение кем-то или чем-то «точки не-возврата».

Конечно, человек не может вернуться в природу, как не может вновь оказаться, например, в доязыковом бытии, что вполне можно назвать «лингвистической катастрофой» [1], в результате которой человек стал иметь дело не с миром, а – с картиной мира, оборачивающейся даже симулякром, ибо отныне «дом бытия» – это язык. Более того, можно сказать, что человек катастрофичен и сам для себя (как Новый Адам стал катастрофой для Ветхого Адама) в силу собственной обреченности на технику (техносферу) и язык (логосферу, сферу идей и смыслов), которые являются двумя – взаимосвязанными и использующими друг друга – модусами культуры, также катастрофичной по сути своей. Однако нас в данной статье более интересует техносфера.

Техносфера (*техническое*) является универсальным способом культурного бытования человечества. Она включает в себя технику и в качестве способа опредмечивания самого человека, и в качестве материального посредника (приспособления) между ним и миром, а также – технологию. Последняя, по сути, есть Логос, воплотившийся в алгоритмическую последовательность действий [2] для производства и потребления вещей/смыслов, выражающую собой *что* (истину) и *как* (жизненный мир, мир сущего) бытия.

По большому счету, *техническое* присуще человеку-вообще, однако пристальное вглядывание в процесс его становления и разворачивания в социокультурном пространстве позволяет увидеть гендерные спецификации, которые на уровне повседневности¹ более связывают *техническое* с мужским способом бытования, нежели с женским. Речь здесь не идет о том, что женщина «а-технична», однако техническое творчество в его высотах – это продукт мужского мира. Женщина вполне может осваивать технику, технологии и достигать виртуозности в их использовании, даже участвовать в техническом творчестве (женское присутствие во множественных конструкторских бюро – доказательство этого), однако «дедалы» и «кулибины» – это мужчины, и их деятельностная спонтанность² является кричащим фактом о том, что *техническое* – один из модусов мужского жизненного мира. И такое положение дел существует не столько в силу культурных практик, не допускавших женщину до технического творчества, сколько в силу наличия специфических истоков мужской антропологии.

Данная статья ставит своей целью показать влияние модусов гендерных различий – гендерной жизненной стратегии, специфики устройства хронотопа, ценностных предпочтений и коннотаций мужского жизненного мира – на превращение *технического* в специфический способ бытования мужского.

Методологические замечания. В современных гендерных теориях гендер понимается как социокультурная форма бытия пола [3], являющаяся результатом культурного оформления *отношения* того или иного общества к полу человека, к тому, какие качества и социальные роли ожидаемы от него в поведении. Логическим итогом понимания гендера как *только* конструкта культуры стало признание его зависимости от дискурсивных практик, окончательно разорвавшее сцепку «гендер – пол», введя идею идентификационной текучести гендера (Дж. Батлер).

Данная коннотация стала итогом перекоса политического дискурса, игнорирующего факт антропности гендера, которая обосновывается наличием, например, женского/мужского стилей чтения/письма (Р. Барт, Х.Сиксу, Л. Иригарэ) как некой органичности, а не как результата культурной огранки. При этом нужно признать, что в таком взгляде есть своя опасность – вернуть жесткую связку гендера с полом с той лишь разницей, что утверждается *различность* (неравнозначность) мужчин и женщин при их *равноценности*. В связи с этим признание постфеминизма, что

¹ Повседневность с точки зрения феноменологии и есть тот самый дорефлективный уровень, та самая очевидность и данность, которая в момент рефлексии опознается в качестве жизненного мира.

² Спонтанная активность есть выражение некой внутренней природы, сущностного свойства, натываясь на которые мы опознаем их в качестве органичных тому или иному человеку.

мужское/женское может быть присуще всякому, тоже не бессмысленно. Однако следует внести одно дополнение, разделяемое автором: маскулинность и феминность – не символические конструкции культуры (Ж. Деррида или Ю. Кристева), а модусы самосознания человека и активность тех или иных бессознательных структур (что достаточно глубоко проработано юнгианством).

В свете вышесказанного гендер в данном размышлении понимается не как набор представлений о видах деятельности и социальных ролях пола, но о том, *как* они реализуются (например, пишут и мужчины, и женщины, но по-разному). Отсюда гендер есть стиль, где последний представляет собой совокупность признаков, характеризующих внешние проявления (греч. μορφή – изменчивая чувственно воспринимаемая форма) какой-либо идеи, сущности (греч. εἶδος – умопостигаемая форма); стиль представляет собой не столько содержание, сколько форму. Таким образом, эйдос гендера укоренен в человеке в качестве, прежде всего, специфически организованного самосознания, тогда как культурные практики производят культурную огранку первоформы, наполняя ее текучим – изменчивым по характеру – содержанием.

Нас будет интересовать самосознание, являющееся синтетическим произведением духовности (специфически организованного духа, сознания) и телесности человека³; если более конкретно – речь пойдет о специфике организации мужского самосознания как источнике *технического* в культуре.

И еще одно замечание. В истории философии XX века появилась методология, позволяющая работать со множественными *как* одной *чтойности*, и это – феноменология [5, с. 213]. Использование данной методологии является важным в силу того, что интенциональные структуры сознания (время и пространство) едины для человека, однако специфически устроенное самосознание организует уникальное проявление их рисунка в характеристиках мужского/женского жизненных миров.

Мужская жизненная стратегия и техносфера. Жизненная стратегия есть выражение связи действующего субъекта с другими, которая является системообразующей и для самих отношений, и для субъекта. Она есть итог соотношения двух видов активности самосознания – внутренней (субъективация, освоение) и внешней (объективация, самоутверждение). Конечно, любой человек обладает обоими видами активности самосознания, однако именно их приоритетное соотношение и является ядром возникновения гендера как стиля, где второй вариант соотношения присутствует в качестве фона⁴.

Мужская жизненная стратегия выражается в приоритете самоутверждения в мире перед его освоением⁵. «Осваиваю ровно столько, сколько необходимо для самоутверждения» – формула внутреннего усложнения мужчины, «освоить – значит присвоить» – стратегия внешней активности. Приоритет самоутверждения указывает на то, что *иное* (объект) чаще всего воспринимается в качестве того, что следует покорить, преобразовать в соответствии со своими интересами. Так, «этика Фауста», описанная Л.М. Косаревой [8] как победа научно-естественного дискурса, выстрелившего НТР, на самом деле есть социокультурная манифестация специфики мужской жизненной стратегии (ее этоса) в наиболее полном виде⁶.

³ Связь гендерной идентичности с телом и сознанием показана С. де Бовуар в книге «Второй пол» [4, с. 320], в которой она описывает процесс открытия мужчинами и женщинами особенностей собственной телесной организации, оказывающей, по ее мнению, влияние на способ восприятия и мира в целом. Однако нас интересует именно самосознание.

⁴ Этим объясняется различность женской и мужской феминности, как и мужского / женского вариантов маскулинности.

⁵ Более подробно о различии мужской и женской жизненных стратегий можно прочитать в статьях автора «Как возможно мужское и женское?» [6], «Антропология воли и гендерные жизненные стратегии» [7].

⁶ «Фауст как представитель духовности «теоретизма» не удовлетворяется существующей реальностью: он конструирует новую (вначале теоретически, затем практически). Кем бы он ни был по профессии (ученым, чиновником-управленцем или даже человеком искусства), он одержим Делом, осуществления которого он добивается любой ценой» [8, с. 34].

Самоутверждение порождает процессы борьбы, соревновательности, отделения себя, проведения границ, на страже которых нужно стоять и, если нужно, расширять, подавляя и подчиняя иное. Именно границы удостоверяют наличность и идентичность «Я»; такое самоощущение не может не нуждаться не только в собственных границах, но и в границах вещей, а в пределе – в представлении о границах мира. Не потому ли инженерный разум по сути своей вполне соответствует мужской жизненной стратегии, что и для него, как пишет С.В. Комаров, «мир изначально должен быть задан как конечный. <...> Это значит, что сам инженерный разум конечен; он есть техно-логос» [9, с. 31].

Процесс самоутверждения дискретен и связан с результативностью. В плане нашего суждения техносфера является одним из очевидных показателей результативности изменения мира под себя, ибо это – суть *технического*.

Также мужской стиль активности порождает производство иерархических отношений, социального порядка, правил, справедливости, акцентуацию этического в культуре с идеей *совершенствования*, где та же самая техносфера видится необходимым инструментом этого самого преобразования и преображения. Мужская жизненная стратегия актуализирует в воле такой ее модус, как *воля-к-власти*. В нижнем своем регистре она реализуется в стремлении подчинять, покорять и использовать другое (мир), в высоком она предполагает управление собой при ответственном влиянии посредством идей, открытий и изобретений, то есть совершенствование, усиление другого. В этом смысле качество *технического* определяется тем, с каким из регистров воли-к-власти человечество имеет дело в лице того или иного носителя этой воли.

Хронотоп мужского мира и техническое. Темпоральность и топика, будучи априорными формами интенциональности сознания, обретают свою приоритетность и действенную полноту под воздействием рефлексии, а также той или иной жизненной стратегии. Последняя влияет на то, какие конкретно структуры – времени или пространства – чаще всего оказываются в поле осмысления. Конечно, время и пространство как формы сознания едины для всех, но актуализируясь той или иной жизненной/культурной ситуацией, тем или иным событием, они обретают инвариантность на уровне мужчин и женщин, проявляющуюся в поведенческой серийности. Если серия есть повторение сущностно тождественного, которое следует понимать из него самого (это и есть гуссерлианский *зйдос*), то жизненная стратегия и есть сердцевина той инвариантной данности, которая расставляет приоритеты в том, как воспринимается время и пространство по-женски и по-мужски.

Связь между стратегиями и устройством хронотопа кратко можно выразить следующим образом. Будучи априорными данностями сознания, время и пространство различаются тем, как организуется их восприятие. Интенциональное переживание пространства более связано с «внешним» чувством, с направленностью внимания вовне, с эмпирией мира вещей, переживание же времени – с «внутренним» чувством, которое носит умозрительный характер. Отсюда восприятие времени более соотносится с внутренней активностью самосознания, которая в качестве жизненной стратегии связана с процессом освоения (женская жизненная стратегия), тогда как восприятие пространства есть итог внешней активности самосознания, выражающейся в мужской жизненной стратегии, связанной с приоритетом самоутверждения. Мужской жизненный мир, его организация имеет дело более с пространством, чем со временем.

Восприятие пространства непременно предполагает анализ⁷ как мысленное разделение целого на части, ведь для успешного самоутверждения необходимо понимать, как устроено

⁷ В анализе явлена первая функция Логоса – отделение, отграничение, упорядочивание, одним из способов существования которого и стала когда-то *техно-логия*. Логос и есть тот самый «меч», что разделяет изначальный синкретизм мира, из хаоса рождая космос.

и на каких принципах функционирует пространство, в котором человек самоутверждается. *Техническое* является одним из способов (самым эффективным по очевидности результатов) и производства восприятия пространства, и его преобразования, ибо пространство в восприятии человека, по М. Хайдеггеру, есть совокупность и взаимоотношение мест [10], образуемых предметами искусства, техникой и вещами.

Пространство, по Хайдеггеру, оно – и то, что предшествует изведению вещей в мир, и то, что изводит, и то, что является начальным этапом изведения. В своей работе «Искусство и пространство» [10, с. 314] он говорит, что не место вмещает или умещает вещи, а наоборот, природные объекты и вещи (техника, произведения искусства) производят места. Думается, как событие производит разрыв и связь в непрерывности времени, являя тем самым временность всего и его же временение, так место есть точка прободения, высвобождения пространства в вещь, собирания вокруг нее и структурирование простора. Человеческое пространство – это прежде всего пространство Вещи.

Диалектика близи и дали есть необходимый способ означивания и тем самым учреждения структуры пространства в ее событийности [11]. В пространстве важны направления, центр и границы для ориентирования и движения, а отношения между ними есть квинтэссенция этой диалектики. Децентрализация и смешение границ (или вовсе – безграничность как итог нахождения не внутри сферы, а на внешней ее стороне) – страшны⁸.

Для мужского – самоутверждающегося – начала важно *место*, а значит, и вещи, ибо, как было сказано, лишь они, их соотношение и взаимодействие создают пространство, организуя его для человека здесь-и-сейчас. Место (вещи, даже лучше сказать, смысло-вещи) для мужчины и есть событие удостоверения себя-в-мире, идентификации своего социального положения, где та или иная вещь для мужчины и есть он сам в мире. Не потому ли в мужском жизненном мире вещи имеют чуть ли не метафизический смысл, а бытование распято между двумя крайними вариантами.

Первый – это окружение себя вещами, цепляние за них вплоть до сведения самого человека к вещи или вообще – до самоотчуждения⁹. В связи с этим так и вспоминается гоголевский Плюшкин – «мертвец» среди множества вещей, выпавших из хайдеггеровской диалектики дали-близи и потому переставших быть событием «четверицы», но – просто складом. Второй вариант – это нарочитое, осознанное игнорирование вещизма, переходящее или в крайний аскетизм (монашество), или в минимализм как в борьбу за свободу от вещей, рождая киников и пустынников¹⁰.

Для самоутверждения и его фиксации достаточно пространства. Так, тот же Фауст готов остановить время и умереть¹¹ своим «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» в момент переживания полноты своей власти над созданным в мире порядком. Однако надежда на технику так сильна, что по аналогии с подчинением, созданием и преобразованием про-

⁸ Не потому ли философия XX века заговорила о пространстве и символических его границах при наличии множественности центров?.. Не потому ли обжитость, обустройство пространства, создание интимности в нем стало предметом заботы, ибо это было вызвано тревогой потери «опоры» миром некогда патриархальной культуры?..

⁹ Небольшое наблюдение: коллекционирование – это подлинно мужская *страсть*, ибо оно есть форма власти, форма самоутверждения в глазах других коллекционеров через обладание вещами, а также – реализация жажды любования красотой, ибо пространственное обустройство мужского жизненного мира непременно нуждается в созерцаемой вовне красоте. Возможность что-то делать с вещами или сопротивление последних и позволяет организовываться местам в пространстве, а также переживать как границы внутри своего жизненного мира, так и его пределы.

¹⁰ Пустынь – это пространство отсутствия вещей, мир без искусственной структуры (в нем нет места, организованного и учрежденного чем-то иным, кроме как самим человеком для себя же). Однако она имеет все же границы, дабы пространство воспринималось пустынным как *целое*. Пустынь важна для выпадения из-под власти вещей, из идентификационных сеток и социальных маркеров, устанавливаемых этими вещами, иницируя работу с внутренним пространством человека, преображая его.

¹¹ Мгновение есть та «черная дыра», которая поглощает, схлопывает временение, обращая Бытие-к-смерти самой смерти (Ничто).

странства инженерная мысль пестует проект создания «машины времени» (техническое решение) как полную реализацию воли-к-власти в управлении собственным миром, что и есть максимально возможное самоутверждение.

Гендерная специфика ценностного пространства и технэ. Идея любой ценности – едина, однако ее воплощение различно. Происходит это благодаря тому, что сущностно внегендерные ценности непременно оказываются преломленными в социальных практиках личностного бытия сквозь множественные идентичности. Среди прочих оказываются и гендерные спецификации, в результате чего ценности обретают особые коннотации. В отношении рассматриваемой темы остановимся на двух важных ценностях – свободе и истине.

Свобода. Специфика мужского переживания свободы коренится в стратегии самоутверждения и в приоритете топоса над хроносом. Приоритет пространственных структур в мужском мире актуализирует значимость границ, контроля над ними. Мужская свобода – это прежде всего автономия, самозаконотворчество, самостоятельное учреждение своих границ, контроль этих границ на «вход» и «выход». В идеале автономия максимальна тогда, когда в подконтрольном пространстве мужчина находится один¹², полностью управляя границами (физическими и смысловыми) своего жизненного мира.

О.В. Артемьева, описывая концепцию К. Гиллиган, пишет: «Мир активности представляется мальчикам и мужчинам в виде соподчинения связей, иерархии отношений, вершиной которой является автономия. В связи с этим главная моральная проблема для мужчин состоит в защите фундаментальных прав личности на жизнь и самореализацию, которая логически решается на основе морали справедливости и проговаривается на языке права, невмешательства, законности» [12].

Сфера мужских интересов, связанных с непосредственным техническим творчеством – вещей ли, технологий ли власти и т.п., – а также с освоением технических и технологических *новинок*, есть выражение собственного самоутверждения через пребывание в свободе как автономии.

Истина. Казалось бы, в отношении истины точно не может быть никаких коннотаций. Однако уже античная Европа дала нам два варианта понимания истины. Греческая «алетейя» – это то, что сокрыто, неизменно, латентно пребывает в бытии (т.е. она онтологична) и временно схватывается созерцательными практиками [13, с. 126]. Латинская «веритас» есть нечто общезначимое, общеобязательное, потому что доказано [4, с. 64]. Она более имеет отношение к форме мышления/доказательства, а не к бытию: истинно то, что доказано в качестве такового. Истина становится итогом состязательной риторической практики, логика эволюции которой и привела в XX веке – под влиянием развития естественных наук – к тому, что она получает парадигмальный характер: истина – результат договоренностей в научном сообществе относительно того, какую из теорий в каждой области наук считать истинной. Истинное определяется наличием своего прикладного значения для той или иной технологии.

Думается, что последняя коннотация истины и есть презентация мужской жизненной стратегии в ее специфических познавательных принципах, о чем во многом справедливо в последнее время говорит на разные голоса феминистская эпистемология [14,15]. Кстати, вспомним миф о грехопадении: а почему плод с дерева познания [добра и зла] был первой предложен Еве, а не Адаму? Не связано ли это именно с тем, что истина интересуется мужчину (а с ним и

¹² Не в этом ли объяснение знаменитой фразы Ж.-П. Сартра «Ад – это другие» из пьесы «За закрытыми дверями»? Ведь любой, даже впущенный самим мужчиной, лишает его автономии, погружая его в гетерономию при принятии решения. Свобода возможна только в одиночестве, в уединенности. Для сравнения: женщина чувствует себя свободной, когда время принадлежит ей, и она им распоряжается как хочет. Или по-другому: для женщины *достаточно* иметь время для принадлежности себе (без отвлечения на детей, дела по дому и т.п.), чтобы чувствовать себя свободной, тогда как для мужчины *необходимо* является наличие его собственного пространства (отсюда, потребность в своем кабинете, гараже, мастерской, доме и т.п.) как условия для переживания свободы.

культуру, находящуюся длительное время в модусе воли-к-власти в своей интенции преодоления и преобразования природы) с позиций прагматики: как можно использовать и какую технологию с помощью этого знания можно запустить?¹³

Мужской способ бытования, связанный с самоутверждением, более востребует знание утилитарное¹⁴. Подобное восприятие истины связано как с созданием техносферы, так и с тем, что последняя есть форма власти над миром. Еще Ницше высказал идею о том, что истина выступала и выступает в качестве воли-к-власти в низком своем регистре. Хотя – онтологически – *техническое* и есть практическое присутствие истины, однако практика признания (языковые практики) чего-либо истинным оборачивается для техносферы участием только во властных играх при массовой нечувственности к открывающейся в технике истине бытия. Прагматичное понимание истины, обязательность ее проверки на практике сформировали *только* инструментальное отношение и к самому *техническому*, что сегодня и является одним из источников его дегуманизации.

Эмпирическая очевидность того, что *техническое* является производным прежде всего мужского способа бытования, явлена в высотах мужского технического творчества и в непременном использовании ими техносферы для полноценной реализации своей свободы (хотя последнее доступно и для женщин).

Однако у этой медали есть и обратная сторона: техносфера провоцирует формы и специфической личностной падшести, коренящейся в мужском способе бытования. Первая из них представлена образом одержимого идеей ученого-изобретателя (мужчины!), для которого не важны никакие моральные ограничения в его экспериментах с миром, что представлено в культуре архетипом Франкенштейна. Второй формой падшести являются примеры мужской зависимости от техносферы (например, игромания, индивидуальное бытование только в виртуальном пространстве).

Любая мания, по сути, есть отпадение от воли-к-бытию, которая есть само временение, иницирующее помятование о преходящести всего через заботу и ответственность. Мания, связанная с *техническим*, есть существование в модусе уже-стояния-в-смерти, где мир больше не становится, а свернут к статике точки. Жизненный мир исчезает, ибо его каркасом являются смыслы как силы временения перспективы бытия. И потому вместо жизненного мира одержимый манией оказывается в безжизненном пространстве, поглощающем и удерживающем того в себе в качестве безропотной точки.

Возникновение самого виртуального пространства есть объективация воли-к-власти из жажды свободы как автономии; однако в пределе погружение в него приводит к отпадению от истины бытия, и этот разрыв оборачивается слиянностью с пространственными структурами заданного мира. Так происходит выпадение в пространство без личной временной перспективы. Именно мужское способно перепрыгивать из одного пространства в другое, тогда как

¹³ Неутилитарное же отношение к истине можно увидеть в пресловутом женском любопытстве (ведь именно «любопытной Варваре на базаре нос оторвали!»). А что есть любопытство по сути своей? Оно – выражение женской стратегии освоения мира. Любопытство – это форма не-прагматичного отношения к пространству, это – чистая воля-к-истине, воля-к-бытию (ведь само бытие есть бытие-к-смерти, то есть само время, характерно для женского жизненного мира). Да ведь и покровительствует этой не-утилитарности в форме философии *богиня* Афина. Кстати, по мнению А. Пятигорского, например, философия возникла из любопытства, интереса, праздности, не призванной приносить конкретную пользу. Вот и Гете заканчивает «Фауста» словами: «Здесь – заповеданность / Истины всей. / Вечная женственность / Тянет нас к ней».

¹⁴ Можно обратиться к образу Шерлока Холмса, созданному В. Ливановым, который в беседе с Ватсоном утрированно, шутливо, но говорит: а зачем ему история, философия и астрономия, если они не помогают в расследовании? Знать наверняка нужно лишь то, что необходимо для практики.

женское пребывает всегда во времени как в поле помятования и временения, что не позволяет запустить процесс маниакальности и личностной дегуманизации¹⁵.

Любая мания есть форма предельного утверждения себя до самоотвержения и потери себя. Захваченность виртуальностью, по сути, результат внутреннего разрыва с женской частью собственной души (Анимой, в юнгианстве). Последняя ответственна за бытие-во-времени, ибо она имеет отношение к жизненной мудрости как истине бытия, а не к здравому смыслу как ситуативной истине повседневности.

Однако игнорирование связей с внутренней Анимой – проблема не только техногенных маньяков. Технократическое мышление также последовательно игнорирует голос женского начала в себе, а данное обстоятельство чревато тем, что человечеству так и не удастся дорасти до техники.

Думается, необходимо переводить *только* инструментальное отношение к технике в переживание ее как «всполоха» в ней истины о себе самих [16], о мире здесь-и-сейчас – истины, пробившейся в практику, сквозь которую и просматривается качество постижения целостности и ценности мира. Техника и техническое творчество, по меткому выражению Ф. Дессауэра [17, с. 36], есть жажда продолжить божественное творение, ведь инженер есть *ingenium*, а гений – дух, посредник между миром богов и людей. Отсюда инженер – тот, кто вовлечен в божественное творение мира на основе знания, в том числе и о Благе (недаром библейский змий соблазнял Адама и Еву плодом с дерева *познания* добра и зла: «и будете как боги, знающие добро и зло»). И тогда в вечном и ответственном помятовании о своей демиургической природе возможно стать равным *техническому*, развив волю-к-власти до воли-влияния.

Список литературы

1. Аркадьев М.А. Лингвистическая катастрофа. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. – 504 с.
2. Железняк В.Н. Логос и технологии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 2. – С. 21–28.
3. Даниелян Н.В. Идеи гендера и постгуманизма в российской философской и социологической литературе // Философия и культура. – 2014. – № 9. – С. 1248–1256. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12602.
4. Бовуар Симона де. Второй пол: в 2 т. – М.: Прогресс; СПб: Алетейя, 1997. – Т.1. – 832 с.
5. Бедаш Ю.А. Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 211–218.
6. Хафизова Н.А. Как возможны мужское и женское? // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2011. – № 4. – С. 31–44.
7. Хафизова Н.А. Антропология воли и гендерные жизненные стратегии // Культура и искусство. – 2016. – № 4. – С. 425–435. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.4.16796
8. Косарева Л.М. Ценности Фауста и Гретхен, или Наука в культуре Нового времени // Л.М. Косарева Рождение науки Нового Времени из духа культуры. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1997. – С. 11–40.
9. Комаров С.В. «Хитрость» инженерного разума: постав и изытость // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 2. – С. 29–36.

¹⁵ Женское увлечение виртуальностью есть проявление неспособности заполнить свое время продуктивностью или преодолеть одиночество; мужская увлеченность (завлеченность даже) есть форма бегства из пространства, в котором невозможно реализовать свою волю-к-власти.

10. Хайдеггер М. Искусство и пространство // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 312–316.
11. Хайдеггер М. Вещь // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
12. Артемьева О.В. Человек = мужчина + женщина / предисловие к книге К. Гиллиган. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины // Этическая мысль: научн.-публ. чтения. 1991 / общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992.
13. Свасьян К.А. История европейской науки. – М.: Evidentis, 2002. – 448 с.
14. Воронина О.А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 56–66.
15. Клинер К. Позиции и проблемы теории познания // Пол, гендер, культура; под ред. Э. Шоре и К. Хайдер; Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2000. – Вып. 2. – С. 118–127.
16. Федье Ф. После техники (часть вторая) [Электронный ресурс] // Гефтер (19.03.2015). – URL: <http://gefter.ru/archive/14593>.
17. Михайловский А.В. Проектирование как форма жизни // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие: материалы междунар. конфер. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. – С. 26–45.

References

1. Arkad'ev M.A. Lingvisticheskaia katastrofa [Linguistic catastrophe]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2013, 504 p.
2. Zhelezniak V.N. Logos i tekhnologii [Logos and technologies]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2015, no. 2, pp. 21-28.
3. Danielian N.V. Idei gendera i postgumanizma v rossiiskoi filosofskoi i sotsiologicheskoi literature [The ideas of gender and post-humanity in the Russian philosophical and sociological literature]. *Philosophy and Culture*. 2014, no. 9, pp. 1248-1256. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12602
4. Bovuar Simona de. Vtoroi pol [The second sex]. Moscow, Progress, Saint Petersburg, Aleteia, 1997, vol. 1, 832 p.
5. Bedash Iu.A. Analiz prostranstva v fenomenologii Edmunda Gusserlia i Morisa Merlo-Ponti [Space analysis in Edmund Husserl's and Maurice Merleau-Ponty's phenomenology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 2014, no. 4 (28), pp. 211-218.
6. Khafizova N.A. Kak vozmozhny muzhskoe i zhenskoe? [How are possible men's and women's?]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2011, no. 4, pp. 31-44.
7. Khafizova N.A. Antropologiya voli i gendernye zhiznennye strategii [Anthropology of will and gender strategy of life]. *Culture and Art*, 2016, no. 4, pp. 425-435. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.4.16796
8. Kosareva L.M. Tsenosti Fausta i Gretkhen, ili Nauka v kul'ture Novogo vremeni [Values of Faust and Gretchen, or science in culture of Modern Times.]. *The birth of science of Modern Times from spirit of culture*. Moscow, Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk, 1997, pp. 11-40.
9. Komarov S.V. «Khitrost'» inzhenernogo razuma: postav i iz"iatost' [The "trick" of engineering mind: producing and negation]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2015, no. 2, pp. 29-36.
10. Heidegger M. Iskustvo i prostranstvo [Art and space. *Time and being*]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 312-316.
11. Heidegger M. Veshch' [Thing. *Time and being*]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 316-326.
12. Artem'eva O.V. Chelovek = muzhchina + zhenshchina / predislovie k knige K. Gilligan. Inym golosom: psikhologicheskaya teoriia i razvitie zhenshchiny [Man = male + female. vlemasculinity + femininity. Forward to the book K. Gilligan "By other voice: psychological theory and development of the woman"]. *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskie chteniia*. 1991. Ed. A.A. Guseinov. Moscow, Respublika, 1992.
13. Svas'ian K.A. Istoriia evropeiskoi nauki [History of the European science]. Moscow, Evidentis, 2002, 448 p.
14. Voronina O.A. Opozitsiia materii i dukha: gendernyi aspekt [Opposition of matter and spirit: gender aspect]. *Voprosy filosofii*, 2007, no. 2, pp. 56-66.
15. Klinger K. Pozitsii i problemy teorii poznaniia [Positions and problems of the theory of knowledge.]. *Sex, gender, culture*. Eds. E. Shore i K. Khaider. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2000, vol. 2, pp. 118-127.
16. Fed'e F. Posle tekhniki (chast' vtorai) [After the equipment (part second)]. *Gefter (19.03.2015)*, available at: <http://gefter.ru/archive/14593> (accessed 28 April 2017).
17. Mikhailovskii A.V. *Proektirovanie kak forma zhizni* [Design as a form of life]. *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naia otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie: materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Perm', Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii universitet, 2017, pp. 26-45.

Получено 14.05.2017